

КАРЛОС ИЛЬЕСКАС

р. 1918

ГВАТЕМАЛА

*Перевод с испанского Михаила Донского **

Поэт, журналист, дипломат, Карлос Ильескас принадлежит к литературному поколению 40-х годов, решительно провозгласившему борьбу за социальные и экономические преобразования и возрождение национальных культурных традиций. После свержения гватемальского диктатора Х. Убико (1944 г.) Карлос Ильескас приехал в Мексику в составе посольства Гватемалы. В 1954 году, когда в его стране пало демократическое правительство Х. Арбенса, Ильескас, как и многие другие прогрессивные деятели гватемальской культуры, остался в Мексике, где уже четверть века выступает с очерками, рассказами и стихами в мексиканских журналах и преподает в столичном университете. Ни журналистика, ни дипломатическая деятельность, ни сложные перипетии общественной и личной судьбы не могли противостоять его поэтическому призванию. Книги стихов Ильескаса выходят не часто: «Экзерсисы» — в 1960, «Реквием по страстям» — в 1963, «Дневники Марсия» — в 1973 годах. В 1977 году Национальный автономный университет в Мехико выпустил его поэтический сборник «Руководство для обезьян и другие поэмы». Поэзия Карлоса Ильескаса порой трудна для восприятия. Он безукоризненно владеет поэтической техникой — многие стихи в его последнем сборнике написаны в форме сонета, — однако это отнюдь не упрощает сложнофигурной метафорической лепки и замысловатых ассоциативных ходов его поэзии, по которым продвигаешься, как в лабиринте, часто без надежды отыскать выход. Но когда «чередование картин, их связь, их тема» угаданы, тогда поражаешься силе логической мысли поэта, свободно оперирующего всеми доступными ему «картинами, впечатлениями, наплывами», и тому, как естественно переходит он от высокой лирической ноты («дождь, // летний, летящий, как ласточка, дождь, // дождь, как обрушившийся мне на грудь // жаркий каскад женских волос») к «объяснению в ненависти» — яростному протесту против

* КАРЛОС ИЛЬЕСКАС — Стихи (Перевод с испанского Михаила Донского. Вступление И. Чежеговой) // *Созвездие лиры* (М.: Художественная литература, 1981), 153–160.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

бессмысленного «муравьиного» долготерпения, а от протеста — к проникнутым ностальгической нотой стихам об изгнании. В экспрессивной сложности Ильескаса нет ничего нарочитого: его поэзия — сплав образных систем индейской мифологии, барочного искусства и современной поэзии, и в каждом образе — застывшей «капле» этого сплава — «отражается мир».

Умереть не так-то уж просто

Умереть не так-то уж просто
в наших странах с роскошным пейзажем:
голод действует мало-помалу,
с чувством меры вонзая когти.
Болезни в отдельных случаях
дело решают, но часто
ты и не знаешь, что болен,
продолжаешь цепляться за жизнь;
а если и знаешь, — тратишься
вместо еды на лекарства, —
и аппетит пропадает.
Так что у нас, как видишь,
умереть не так-то уж просто.

* * *

Этот ветер — открытая рана. Живу и страдаю.
Изгнание вонзилось мне в плоть. Неотвязные мысли.
Обреченно служу ослепленному яростью лету.
В груди слов я ищу тот огонь, те цветы,
от которых стихи обретут долговечную свежесть.
Я лежу на земле и, обряженный в красочный саван,
призываю печальную память. Это что там, река?
Да. Тогдашние звезды глядят мне в глаза,
источая небесную горечь,
подстрекая жестокость,
с которой глодаешь мне сердце
ты, прелестная рыбка пиранья,
и отчаяньем лютым пропитываешь мои строки:
ведь ты где-то не здесь,
и о том плачут вместе со мною
ветер, земля, и река, и цветок, и огонь.
Здесь пустырь,
где растет безнадежность.

* * *

Картины. Впечатления. Наплывы.
Дождь. Капля, вкрапленная в зыбкий круг.
Деревья. Их стволы согнул недуг.
Среди листвы рой нежити пугливой.

Шушукуются призрачные ивы
с рекою, чтобы скоротать досуг.
Вонзает в воду стрелы звонкий лук.
Ласкает крышу дождь сладкоречивый.

Чередование картин. Их связь.
Их тема. Фуга родилась, окрепла.
Глиссандо ветра ворвалось в клавир.

В литавры ливень бьет, остервенясь.
Хорал огня, любви, забвенья, пепла.
И в каждой капле отразился мир.

Люди и дождь

Люди и дождь — два похожие мира.
Так же меняют течение рек,
так же вгрызаются в недра земли,
так же ликуют, сливаясь в объятьях.
Нет, не случайно вода нам журчит
что-то свое, и мы не случайно
горсть подставляем шарикам ртути,
сыплющимся с разбитого неба.
Люди — как дождь. Их сущность — движение,
чередование мелькающих образов.
Люди и дождь зачаты во тьме,
чтобы под звуки траурных труб
кануть во мрак. Раствориться в земле.
Грубый ли камень, мягкий ли мох, —
вновь из-под них выбивается, льется
светлая песнь человеческого сердца.
Сонмы бессонных сверкающих капель
свергнуты с неба — ангелы падшие.
Как человек — обездоленный, изгнанный,
снова замешенный мокрою глиной,
капля есть символ изгнания из рая.
Да, мы похожи: обнявшись, встречаем
грозы и шквалы.

Мне нравится дождь,
летний, летящий, как ласточка, дождь,
дождь, как обрушившийся мне на грудь
жаркий каскад женских волос,

дождь, как слепец без поводыря,
дождь, как лунатик средь бела дня,
в вечность и в память вперивший зрачки.
Струи, заигрывающие с мостовой,
дерзкая дробь по могильной плите
нравятся мне. Ах, как нравится мне
вторгшийся в мирный могильный покой
августовский безудержный ливень.
Нравится мне насмешливый дождь,
нравятся розыгрыши озорные:
смазать наотмашь румянец фальшивый,
выставить уличный сор на поверхность,
дремлющий тихий ручей совратить
россказнями о всемирном потопе.
Сходство. Во всем. Дождь, беременный мной,
носит меня девять дней и ночей:
впитываю, как зародыш в утробе,
звездные всплески, звериное буйство,
сырость могильную — все, что в нем есть,
впитываю, собираю, коплю,
чтобы пролиться, отдать, напитать.
Сходны и в чувствах мы с ним, и в стремленьях:
яростно рвемся к рекам любви.
Через пороги, запруды... Извечный
путь к океану по имени смерть.

Объяснение в ненависти

Муравьев отличает терпенье, которое я презираю.
Земля, где они копошатся, верша свое дело,
мне враждебна. Боюсь их. Не в силах за них заступиться
перед въевшимся в кости мои злым нетерпением.
Их племя древнее, чем наше, уклад их древнее.
Для них непреложен закон: одинаковость всех.
Друг за другом, гуськом продвигаются узкой тропой,
и отвлечь их не может ничто, в чем реальной нет пользы:
размышленье, фантазия, музыка... Счастья не ищут,
и, конечно, поэтому счастливы. Терпеливы
и абсурдно покорны судьбе. Ненавижу.
В божественных установленьях нимало не смысля,
терпят, что я их топчу, что жгу их потомство,
что я, Саваоф муравьиный, десницею гневной
на них разверзаю небесные хляби в саду.
Глядят на крушение башен своих вавилонских
и вновь — терпеливые зодчие, — вновь за труды.
Их новая башня растет, и растет во мне ярость.
И тогда поражаю их тьмой, осязаемой тьмой.
И, обрушив на них все небесные кары, я жду,
что они расточатся, что сгинут они навсегда.

Но слепо, в своей одинаковости вековечной,
не замечая моей отчаянной с ними борьбы,
какому-то следуя дьявольскому предначертанью,
они принимаются строить в сознание моем
частоколы терпенья, нося и нося по крупнице
ползучие шорохи, шепоты, увещевания:
быть пониже, поплоче, попроще,
пригибаться к земле и к траве и к себе самому,
подчинять свою плоть неизбежному бремену страха,
ощущать, как положено всем обезьянообразным,
дрожь любви и дрожь смерти. История. География.
Райские кущи. Геенна.
Угомонить нетерпенье.

Покарай их господь!

* * *

Бедняга молния оголодала,
на скудный стол набросилась молчком,
прельстившись недоеденным куском,
лизнув край недопитого бокала.

Задергалась в конвульсиях: ей мало.
Безумствует причудливый излом.
Немой сопернице шлет вызов гром:
смирить, стереть, лишить ее накала.

Неистовствует мегаваттный гнев:
рык недовольный — ревом стал стоустым,
светящиеся щупальца взвились...

Гром торжествует, в схватке одолев,
и молнию дожевывает с хрустом.
А голубь строчкой прошивает высь.